

Новый трудъ о жизни Иисуса Христа: „La vie inconnue de Jésus Christ“, Н. Нотовичъ. Paris. 1894 г.

Предъ нами—новая книга о жизни Иисуса Христа, собственно о той ея прикровенной сторонѣ, на которую Спасителю и Евангелистамъ благоугодно было набросить вѣчно непроницаемый покровъ тайны. Несомнѣнно, что всякая книга, претендующая на новое слово въ наукѣ по такому важному вопросу, какъ вопросъ о земной жизни Иисуса Христа, ни въ какомъ случаѣ, съ какой бы точки зрѣнія она ни освѣщала избранный предметъ, не можетъ быть признана мало-важною, пустой или нестоющей вниманія. Предлагаемая же вниманію читателей новая книга о невѣдомомъ періодѣ жизни Иисуса Христа явно претендуетъ на сообщеніе такихъ свѣдѣній по данному вопросу, какихъ не даютъ ни Евангелисты, ни Отцы Церкви, ни даже обыкновенно очень освѣдомленное на этотъ счетъ церковное преданіе. Отсюда понятна вся важность принимаемой нами на себя задачи: представить, во-первыхъ, общій, внѣшній и внутренній, анализъ предлагаемой книги и, во-вторыхъ, установить за нею подлинную ея историческую цѣнность. Если таковая за нею окажется, то не трудно представить все значеніе послѣдствій, какія это открытіе должно за собою повлечь; но, и наоборотъ, если за нею не окажется даже тѣни исторической достовѣрности,—важность результата все же несомнѣнна: этимъ только будетъ доказано лишній разъ, что никакая книга въ

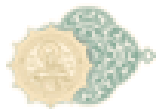
міръ,—кромѣ боговдохновенной, евангельской,—ничего новаго о жизни Христа сказать не можетъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію намѣченной нами задачи, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, что составляетъ, такъ сказать, внутреннюю пружину, истинный *raison d'être* появленія на свѣтъ означенной книги, освѣщающей Евангельскую исторію совершенно подь новымъ угломъ зрѣнія.

Что такое, въ сущности, Евангельская исторія? На этотъ вопросъ отвѣтимъ словами одного виднаго современнаго французскаго ученаго—богослова, Альберта Ревилья, двухтомная книга котораго о жизни Иисуса Христа, подь названіемъ „*Jésus de Nasaret*“, тоже, кажется, не переведена еще на русскій языкъ.

„Евангельская исторія, говоритъ Ревиль, есть исторія Иисуса, проповѣдывавшаго Евангеліе и цѣною, затѣмъ, собственной жизни положившаго основаніе чистѣйшей и совершеннѣйшей религіи, когда-либо проповѣданной человечеству. Но въ строгомъ смыслѣ Евангельская исторія есть то, что мы называемъ „общественной карьерой“ Иисуса изъ Назарета, въ которой предшествоющее и послѣдующее ускользаетъ при обычныхъ условіяхъ исторіи...

„Ему было около тридцати лѣтъ“, замѣчаетъ Его биографъ (Лк. III, 23). Спрашивается, гдѣ Онъ родился, въ какомъ положеніи находился? чѣмъ занимался? чрезъ какія превратности жизни прошелъ Онъ въ теченіе предшествовавшихъ 29 лѣтъ? По всѣмъ этимъ вопросамъ любопытство наше мало удовлетворяется. Если, съ одной стороны, въ Евангеліяхъ и приводятся нѣкоторые историческія данныя о чудесныхъ событіяхъ Рождества Христова; то, съ другой стороны,—продолжаетъ Ревиль,—приходится *volens-voles* примириться съ небреженіемъ Евангелистовъ о болѣе точномъ опредѣленіи обстоятельствъ и условій, въ которыхъ жилъ и развивался Отрокъ, Юноша, зрѣлый Человѣкъ.

Правда, у Луки есть попутное замѣчаніе, которымъ заканчивается обстоятельный рассказъ объ одномъ любопытномъ эпизодѣ изъ отроческихъ дней жизни Иисуса ¹⁾; но оно только въ слабой степени можетъ восполнить совершенное отсутствіе свѣдѣній касательно предшествующихъ и послѣдующихъ лѣтъ Его жизни. Между тѣмъ, каноническія повѣствованія о рождествѣ и дѣтствѣ Иисуса играютъ слишкомъ большую роль въ нашихъ обычаяхъ; даютъ слишкомъ много сюжетовъ искусству, поэзіи, народному творчеству и богословскимъ преніямъ для того, чтобы неизвѣстною стороною жизни Иисуса Христа не интересовался глубоко каждый вѣрующій христіанинъ. Отсюда происхожденіе безчисленныхъ попытокъ восполнить недостающее путемъ хотя бы однихъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ, подсказанныхъ тѣмъ, что мы знаемъ вообще о человѣкѣ, пришедшемъ въ мѣру возраста совершенна, достигшемъ полного развитія характера и религіознаго генія; отсюда же и то чрезвычайное обиліе апокрифическихъ Евангелій, какое появилось уже въ первые вѣка христіанской эры съ единственною цѣлью—пополнить пробѣлы, допущенныя Четвероевангеліемъ; отсюда же, наконецъ, и то множество просто легендарныхъ сказаній о жизни Иисуса, какое сохраняется въ народѣ не только устно, но нерѣдко и письменно. Подобные письменные памятники, иногда глубокой древности, были время отъ времени открываемы въ разныхъ мѣстахъ, производя всякій разъ не малые шумъ и волненіе. Въ самое послѣднее время особенный шумъ и волненіе породилъ одинъ древній манускриптъ, будто бы найденный случайно въ одномъ изъ Тибетскихъ монастырей русскимъ путешественникомъ Н. Нотовичемъ ²⁾. Найденная рукопись и послужила тѣмъ первоначаль-

¹⁾ Разумѣется Лк. II, 52. Пер.

²⁾ Кстати сказать, не безызвѣстнымъ и на страницахъ европейской печати. Имя его неоднократно фигурировало на страницахъ французскихъ и др. иностранныхъ газетъ какъ нѣкоего авантюриста, который не прочь былъ

нымъ зерномъ, изъ котораго вскорѣ потомъ подъ развязнымъ перомъ г. Нотовича выросла цѣлая солидная книга, о которой у насъ теперь рѣчь. Появилась эта книга настолько кетати, что, казалось бы, авторъ ея задался спеціальною и единственною цѣлью—удовлетворить вновь народившейся глубокой потребности образованнаго общества именно въ подобнаго рода трудахъ. Дѣло въ томъ, что, особенно въ послѣдніе годы, въ обществѣ замѣчается глубокое уплеченіе буддизмомъ, принявшее даже *sui generis* эпидемическій характеръ. „Поэтому, — пишетъ г. Митякинъ (Попухинъ) въ статьѣ „Христіанство и буддизмъ“¹⁾, прославляютъ буддизмъ, какъ великую духовную систему, окружая ея основателя ореоломъ необычайнаго величія, какъ, напр., англійскій поэтъ Арнольдъ въ извѣстной поэмѣ „Свѣтъ Азіи“; разные психопаты, потерявшіе послѣднюю искру здраваго смысла въ релігіозныхъ сомнѣніяхъ и блужданіяхъ, открываютъ ему храмы въ центрахъ христіанскаго міра, какъ, напр., въ Парижѣ, а экзальтированныя женщины, въ родѣ пресловутой Блаватской, ѣдутъ въ самыя дебри Индіи и Тибета, чтобы тамъ на мѣстѣ преклоняться предъ буддійскими „магатмами“ и удивлять міръ рассказами объ ихъ умопомрачительныхъ чудесахъ. Даже такіе изслѣдователи, какъ Зейдель, Бродбекъ и др. прямо старались выводить христіанство изъ буддизма. Но чтобы это утвержденіе имѣло какую-нибудь правдоподобность, нужно такъ или иначе подтвердить его какими-нибудь болѣе или менѣе убѣдительными данными, и вотъ эту задачу принялъ на себя русскій Н. Нотовичъ, издавшій недавно въ Парижѣ на французскомъ языкѣ книгу, представляющую въ своемъ родѣ одно изъ знаменій нашего времени. Книга

эксплуатировать въ свою пользу различные крупныя политическіе факты, въ родѣ братанія русскихъ съ французами, хотя и съ очевидной неудачей, такъ какъ слишкомъ назойливо повсюду выдвигалъ интересы своей собственной персоны.

¹⁾ „Христіанское Чтеніе“ 1894 г., XII.

вышла подъ заглавіемъ „La vie inconnue de Jésus Christ“ („Неизвѣстная жизнь Иисуса Христа“) и нѣтъ своею цѣлію разгадать тотъ таинственный періодъ въ жизни Иисуса Христа, который совершенно замолчанъ Евангелистами, именно: періодъ отъ перваго посѣщенія Имъ іерусалимскаго храма, въ 12-лѣтнемъ возрастѣ, до полной возмужаости, когда Иисусъ уже выступилъ открыто на общественное служеніе въ качествѣ Мессіи. Это тотъ именно періодъ, который неоднократно возбуждалъ любопытство изслѣдователей, желавшихъ такъ или иначе приподнять таинственную завѣсу, опущенную надъ нимъ Евангелистами. Но всѣ старанія ихъ, конечно, были напрасны, такъ какъ того, что сокрыто Богомъ, не открыть человѣку!

Нотовичъ же видимо держится иного взгляда и дѣйствительно издалъ книгу, которая вполне-де разъясняетъ загадку и дѣлаетъ вполне понятнымъ то, что до него считалось непостижимымъ по своей таинственности. Однимъ словомъ, онъ доискался, какъ и гдѣ Иисусъ Христосъ провелъ таинственные годы до Своего крещенія. Совершенно понятенъ, отсюда, тотъ исключительный интересъ, который возбудила книжка Нотовича среди мыслящихъ людей Западной Европы. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она выдержала до десяти изданій на французскомъ языкѣ, три изданія въ нѣмецкомъ переводѣ, была переведена на англійскій, итальянскій и датскій языки. Появленіе этой книги своевременно было отмѣчено въ краткихъ замѣткахъ и русской періодической печатью. Прежде напечатанія своей книги въ Парижѣ, Нотовичъ всячески пытался издать ее въ Россіи, но—тщетно: русская богословская цензура до конца пребыла твердо-непреклонной. Тогда Нотовичъ устремился на болѣе въ этомъ отношеніи гостепріимный Западъ; но и здѣсь ему пришлось предварительно пройти множество мытарствъ, прежде чѣмъ трудъ его былъ, наконецъ, изданъ Оллендорфомъ въ Парижѣ въ 1894-мъ году на французскомъ

языкъ. Получилась книга по внѣшности солидныхъ размѣровъ, въ 300 страницъ, снабженная двумя картами-путеводителями по Индіи и Тибету, и нѣсколькими иллюстраціями съ изображеніемъ тибетскихъ ламъ, буддійскихъ боговъ, городовъ и т. п. По содержанію своему она распадается на предисловіе и три приблизительно равномѣрные части, изъ которыхъ каждая представляетъ нѣчто самостоятельное цѣлое.

Въ предисловіи г. Нотовичъ, упомянувъ о своей врожденной склонности къ кочевому образу жизни, опредѣляетъ затѣмъ самую цѣль своего путешествія въ Индію: изучить непосредственно туземные индійскіе народы, ихъ бытъ и нравы, археологію и страну, послѣ чего тутъ же, попутно, рассказываетъ и исторію своего открытія.

Прослышавъ въ Индіи, что въ архивахъ Лхассы, столицѣ Тибета, хранятся древнѣйшіе рукописные свитки о жизни Иисуса Христа, онъ отважно предпринимаетъ туда трудное и далеко не безопасное путешествіе, движимый скорѣе, однако, невысокопробнымъ любопытствомъ авантюриста, нежели самоотверженнымъ чувствомъ истиннаго адепта науки. Благодаря несчастному приключенію, въ которомъ онъ сломалъ себѣ ногу, Нотовичъ попадаетъ въ одинъ глухой буддійскій монастырь близъ Лхассы, гдѣ магатмами ему оказывается дѣятельная и успѣшная медицинская помощь. „Воспользовавшись этимъ своимъ кратковременнымъ пребываніемъ среди тибетскихъ ламъ,—рассказываетъ въ предисловіи Нотовичъ,—я добился отъ главнаго ламы разрѣшенія принести мнѣ изъ монастырскаго книгохранилища рукописные свитки о жизни Иисуса Христа и, съ помощью драгомана, переводившаго съ тибетскаго языка, я тщательно записалъ все, что диктовалъ мнѣ лама. Ни мало не сомнѣваясь въ исторической достовѣрности этихъ сказаній,—продолжаетъ Нотовичъ,—я пытался, возвратившись въ Европу, опубликовать переводъ и обращался ко многимъ высококом-

петентнымъ іерархамъ съ просьбою просмотрѣть мои записки и сказать о нихъ свое мнѣніе.

Высокопреосвященный Платонъ, извѣстный митрополитъ Кіевскій, къ которому я обратился, нашелъ, что это—трудъ огромной важности. Однако, печатать мемуаровъ его не рекомендовалъ, полагая, что огласка ихъ могла бы мнѣ повредить. Но почему?.. Очевидно, митрополитъ не пожелалъ высказаться болѣе откровенно. Впрочемъ, такъ какъ наше объясненіе происходило въ Россіи, гдѣ цензура налагаетъ свое veto на всякаго рода подобный трудъ, то я выбралъ политику выжиданія. Спустя годъ, я прибылъ въ Римъ. Тамъ я показалъ свой манускриптъ одному кардиналу, приближенному къ святому отцу. Онъ отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: „Къ чему печатать это? Никто не придастъ вашей находкѣ большого значенія и вы лишь наживете себѣ множество враговъ. Впрочемъ, вы еще такъ молоды! Если же васъ интересуесть денежный вопросъ, то я могъ бы хлопотать о наградѣ за ваши записки, наградѣ, которая вполне вознаградитъ васъ за понесенные расходы и потраченное время“. Естественнo, я отказался.

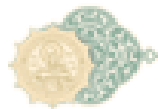
Въ Парижѣ я говорилъ о своемъ намѣреніи съ кардиналомъ Ротелли, съ которымъ познакомился въ Константинополѣ. Онъ также возражалъ противъ печатанія моего труда, подъ предлогомъ, что это было бы преждевременнымъ (*c' eût été prématuré*). „Церковь,—прибавилъ онъ,—слишкомъ страдаетъ отъ новаго теченія атеистическихъ идей, а вы дадите только новую пищу клеветникамъ и искажителямъ евангельской доктрины. Я говорю вамъ это въ интересѣ всѣхъ христіанскихъ церквей.

Жюль Симонъ, къ которому, затѣмъ, я обратился, нашелъ мое сообщеніе чрезвычайно интереснымъ и рекомендовалъ обратиться къ Ренану за совѣтомъ касательно наиболѣе простыхъ способовъ опубликованія означенныхъ мемуаровъ.

И вотъ, на другой же день, я сидѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ великаго философа... Въ заключеніе нашей бесѣды, Ренанъ предложилъ мнѣ на время довѣрить записки ему, чтобы имѣть возможность сдѣлать сообщеніе въ Академію. Предложеніе было чрезвычайно заманчиво и весьма льстило моему самолюбію, и, однакоже, я унесъ свой трудъ съ собою, подъ предлогомъ проштудировать его еще разъ. Для меня было болѣе, чѣмъ ясно, что согласясь я на эту комбинацію, я уже ничего не имѣлъ бы, кромѣ чести открытія хроники, между тѣмъ какъ на долю знаменитаго автора „Жизни Іисуса“ выпала бы вся слава опубликованія и комментаріевъ. Я созналъ себя достаточно компетентнымъ для того, чтобы самому опубликовать переводъ этой хроники, снабженный моими примѣчаніями, а потому отклонилъ столь лестное для меня предложеніе.

Однако же, не желая задѣвать чувства самолюбія великаго учителя, котораго глубоко почитаю, я только послѣ смерти послѣдняго опубликовалъ мои записки, оставляя за собою право доказать несомнѣнную подлинность этихъ хроникъ. Въ комментаріяхъ я привелъ доказательства, въ достаточной мѣрѣ гарантирующія искренность и добросовѣстность буддійскихъ компиляторовъ. Критически же относящимся къ моему сообщенію считаю чужнымъ замѣтить, что ученые общества, безъ большихъ денежныхъ затратъ, могутъ снарядить научныя экспедиціи какъ для изученія манускриптовъ на мѣстѣ, такъ и для провѣрки ихъ дѣйствительной исторической цѣнности“.

Вотъ, вкратцѣ, исторія открытія и опубликованія столь напумѣвшей за границею тибетской рукописи. Заинтриговавъ читателя эгимъ вступительнымъ повѣствованіемъ о своихъ мытарствахъ и затронувъ его любопытство, опытный авторъ уже смѣло затѣмъ и увѣренно переходитъ къ обстоятельному описанію своихъ впечатлѣній и приключеній во время путешествія въ Тибетъ, Ладакъ и пр. Описаніе путешествія и изображеніе храбрости Нотовича не разъ вступав-

паго въ борьбу съ кровожадными медвѣдями „одинъ на четырехъ“, для насъ мало интересны. Мы, поэтому, приступимъ прямо къ анализу самаго памятника, составляющаго вторую часть книги г. Нотовича и озаглавленнаго такъ: „Жизнь святаго Исы, наилучшаго изъ сыновъ человѣческихъ“.

Прошу позволенія читателей нѣсколько подробнѣе остановиться на изложеніи содержанія этого сенсационнаго документа о неизвѣстной жизни Иисуса Христа, документа, заставляющаго, несомнѣнно, при чтеніи его, сильнѣе биться не одно человѣческое сердце.

Раздѣляется названный манускриптъ на 14 не равныхъ по объему главъ; самыя главы дѣлятся на стихи, на манеръ евангельскаго текста. Въ этихъ 14 главахъ сперва излагается кратко исторія іудеевъ отъ плѣна египетскаго до рожденія Исы (Иисуса), а затѣмъ уже слѣдуетъ жизнеописаніе послѣдняго.

Любопытно, что какъ стихи рукописи, такъ и характеръ проводимыхъ въ ней идей на первый взглядъ какъ бы невольно подкупаютъ въ пользу древности открытія г. Нотовича, рисуя образъ благочестиваго лѣтописца—буддиста, излагающаго все не мудрствуя лукаво, такъ, какъ онъ самъ видѣлъ и слышалъ, какъ ему рассказывали „іудейскіе купцы“. Характернѣйшимъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить уже первая глава рукописи.

1. „Земля содрогнулась, шипеть хроникеръ, и небеса восплакали по причинѣ страшнаго преступленія, совершеннаго въ странѣ Израильской.

2. Ибо туда приходилъ на пытку и казнь великій праведникъ Исса, въ которомъ обитала міровая душа,

3. воплотившаяся въ проемомъ смертномъ, чтобы принести добро людямъ и искоренить хульные ихъ помысленія.

4. Чтобы возвратитъ къ жизни мира, любви и добра челоуѣка. униженнаго грѣхами и напомнитъ ему о Единомъ

и Нераздѣльномъ Творцѣ, милосердіе Котораго безконечно и безгранично.

5. Вотъ что рассказываютъ объ этомъ іудейскіе кунцы“.

Вторая глава начинается съ момента, когда своими грѣхами прогнѣвавшій Бога „Израиль былъ поработенъ могущественными фараонами и богатства его разстѣялись по Египту“. Описавъ, далѣе, египетскія мученія плѣнниковъ, хроника говоритъ: „У фараона было два сына, изъ которыхъ младшій назывался Мосса (Моисей). Еврейскіе ученые обучали его различнымъ наукамъ“¹⁾. Этотъ Мосса тронулся глубокой преданностью іудеевъ, не взирая на всѣ пытки, своему Богу и увѣровалъ въ послѣдняго. Въ это время страшная моровая язва посѣтила Египетъ, и Мосса не преминулъ открыть своему отцу, что „это былъ именно гнѣвъ Бога его рабовъ, выступившаго на защиту тѣхъ несчастныхъ, внявшаго ихъ молебъ и покаравшаго Египтянъ“. Тогда фараонъ приказалъ Моисею, своему сыну, вывести свреевъ за городъ и основать неподалеку отъ столицы другой городъ, гдѣ бы онъ и жить съ ними. Но Моисей, объявивъ рабамъ іудеямъ, что онъ освободилъ ихъ именемъ Бога своего, Бога Израилева, „вывелъ ихъ изъ города и изъ земли Египетской“.

Въ третьей главѣ описывается поработеніе евреевъ „язычниками изъ-за моря, изъ Римской страны“, учредившими надъ покоренной страной префектуру.

Съ четвертой главы начинается жизнеописаніе Иисы, родившагося отъ бѣдныхъ и благочестивыхъ родителей, изъ-

---

¹⁾ По этому поводу, въ своемъ резюме. Потовичъ, между проч., пишетъ: „Полагаю, что весь образованный міръ,—безъ намѣренія подрывать въ чемъ-либо библейское сказаніе о происхожденіи Моисея,—не затруднится согласиться со мною относительно того, что Моисей не былъ простымъ іудеемъ, за что говорить какъ его высокій умъ, такъ и тщательность полученнаго имъ воспитанія, достойная царскаго сына“ (стр. 52).

браннаго и посланнаго Богомъ „возстановить впавшихъ въ грѣхъ и помочь страждущимъ“. Уже въ отрочествѣ онъ началъ проповѣдывать покаяніе, и въ 13 лѣтъ пользовался большой извѣстностью и славой. Знатѣйшіе люди страны желали видѣть въ Немъ своего зятя, но Исса „тайно покинулъ родительскій домъ и бѣжалъ въ Герусалимъ, откуда съ караваномъ купцовъ отплылъ въ Индію, съ цѣлю усовершенствоваться въ божественномъ словѣ и изучить законы великаго Будды“.

Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ, съ пятой по восьмую включительно, описываются годы ученія Исса и Его проповѣдническая дѣятельность въ Индіи, Персіи и другихъ странахъ, лежавшихъ на обратномъ Его пути въ иудейскую землю.

По разсказу пятой главы, 14-лѣтній отрокъ Іисусъ пришелъ „по сю сторону Индіи и поселился среди Аріицевъ, въ возлюбленной Богомъ странѣ“. Отвергнувъ просьбу Джайновъ остаться съ ними, Іисусъ основался въ священномъ городѣ Джагернатѣ, гдѣ покоятся бранные останки Віассы—Кришны и гдѣ сѣдовласые браминскіе жрецы оказали ему самый задушевный пріемъ. Здѣсь „они научили Его читать и понимать Веды, исцѣлять силою молитвъ, изучать и толковать народу свящ. писаніе, изгонять злого духа изъ тѣла человѣка и возвращать ему его человѣчскій образъ“.

Въ Джагернатѣ, Радьягрихѣ, Бенаресѣ и другихъ свящ. городахъ Исса прожилъ шесть лѣтъ, и всѣ любили Его за кротость и миролюбіе, въ особенности Вейсы и Судры, къ которымъ онъ всегда охотно шелъ съ проповѣдію, чѣмъ недовольны были, однако, брамины и кшатріи, видѣвшіе въ этомъ общеніи съ нечистыми и предостерегавшіе Его.

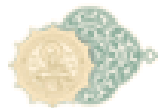
„Оставь ихъ, говорили они, и лучше пойдемъ съ нами помолиться богамъ, которые разгнѣваются на Тебя, если ты не станешь имъ повиноваться“.

Но Исса, возмущаясь поруганіемъ человѣческаго достоинства въ себѣ подобныхъ, не внималъ имъ и по-прежнему шелъ съ проповѣдію къ Судрамя. Онъ говорилъ: „Богъ Отецъ не полагаетъ никакого различія между своими дѣтьми, которыя всѣ суть равно любезны Ему“.

Исса отвергъ Веды и Пураны, какъ измышленія ума человѣческаго; отвергъ и буддійское ученіе о тримурти, проповѣдая Единого Нераздѣльнаго Судію и Творца міра, который „подчинилъ человѣку земли, моря, скотовъ и все, что сотворилъ и что содержитъ въ неизмѣнной гармоніи, такъ какъ каждой вещи Онъ установилъ свойственную ей продолжительность“.

Угрожая гнѣвомъ Божиимъ за принесеніе человѣческихъ жертвъ, Исса порицалъ браминовъ за ихъ высокомеріе: „Брамины и кшатріи, говорилъ Онъ, сдѣлаются Судрами судръ, съ которыми Вѣчный пребудетъ вѣчно“. На просьбу пораженныхъ Судръ научить ихъ молиться, чтобы унаслѣдовать вѣчное блаженство, Исса паучалъ: „не молитесь идоламъ, ибо они не слышатъ васъ; не слушайте Ведъ, гдѣ истина искажена; не считайте себя повсюду первыми и не унижайте ближняго своего. Помогайте бѣднымъ; поддерживайте слабыхъ, не платите зломъ за зло и не желайте себѣ того, чего не имѣете, и того, что видите у другихъ“.

Согласно, затѣмъ, шестой главѣ хроники дальнѣйшее пребываніе Иссы въ Джагернатъ стало немыслимымъ, такъ какъ озлобившіеся на него за общеніе съ Судрами жрецы и войны искали его убить. Но, избавившись отъ опасности при содѣйствіи покровительствуемыхъ имъ Судръ, Исса покинулъ Джагернатъ и горными переходами проникъ въ страну Гоатамидовъ, родину Саккіа-Муни, гдѣ также прожилъ шесть лѣтъ, изучивъ здѣсь въ совершенствѣ туземный языкъ и священныя свитки Сутры, послѣ чего въ толкованіи священнаго писанія для Него уже не существовало препятствій. Теперь, цѣлю Иссы стало вернуться въ родную

страну, для чего Онъ покинулъ Непаль и Гималайскія горы и спустился въ Раджипутанскую долину, направляясь къ Западу. Путемъ-дорогою Исса проповѣдывалъ встрѣчнымъ народамъ объ идеальномъ совершенствѣ человѣка и о томъ, что идолопоклонство противно уже самой природѣ человѣка, такъ какъ противорѣчитъ заложенному въ немъ естественному закону совѣсти его. „Вѣчный законъ, говорилъ Творецъ устами Иссы, противится человѣческимъ жертвоприношеніямъ идоламъ и животнымъ, такъ какъ человѣку Я подчинилъ всякую тварь и все сущее въ мірѣ“.

О необычайномъ дѣйствіи проповѣди Иссы на языческіе народы, оставляяппіе своихъ идоловъ чрезъ вѣру въ Него,—сообщаетъ далѣе седьмая глава. Однако, такое обаяніе ученія Иссы оскорбляло языческихъ жрецовъ, которые потребовали отъ Него доказательства силы и могущества проповѣдуемаго Имъ Бога. — „Сотвори какое-нибудь чудо, возражали они, и пусть Твой Богъ посрамитъ нашихъ боговъ, если они внушаютъ Ему отвращеніе“. „Чудеса нашего Бога начали совершаться съ перваго дня творенія, отвѣчалъ Исса. Они происходятъ ежедневно и ежесекундно; не примѣчающій ихъ лишень одного изъ прекраснѣйшихъ даровъ жизни“.

Тогда язычники, движимые зрѣлищемъ безсилія собственныхъ жрецовъ, всецѣло увѣровали въ Иссу и низвергли своихъ идоловъ; жрецы же бѣжали, скрываясь отъ мести народной.

Вскорѣ слава о новомъ Проповѣдникѣ,—повѣствуетъ восьмая глава,—разнеслась на столько далеко кругомъ, что когда Исса прибылъ въ Персію, лежавшую на Его пути, то персидскіе маги уже заранѣе запретили народу слушать Его. Однако, народъ не внималъ имъ и толпами стекался слушать Иссу. Тогда жрецы схватили Его и представили на допросъ къ верховному жрецу.

— „О какомъ новомъ Богѣ говоришь Ты?—спрошали Его; и кто Ты, дерзавшій поносить нашего бога и сѣять сѣмя сомнѣнья въ сердцахъ правовѣрующихъ“?..

— „Богъ, о Которомъ я учу, не есть новый Богъ, но— Отецъ нашъ Небесный, Пребывавшій отъ начала и имѣющій пребывать послѣ вѣчнаго конца“.— „Но, возразили жрецы, какъ можетъ народъ жить по законамъ правды, если будетъ лишень руководителей“? „Сколько народовъ, не имѣющихъ жрецовъ и руководящихся только закономъ совѣсти своей,— отвѣчалъ Исса,—сохраняють чистоту душевную? . Вы учите, что надлежитъ поклоняться солнцу, духу зла и добра; а Я говорю вамъ, что ученіе ваше ложно, ибо солнце дѣйствуетъ не само по себѣ, а по волѣ Незримаго Творца, давшаго ему начало“.

Выслушавъ Иссу, жрецы согласились не дѣлать Ему зла. Они только вывели Его ночью за городъ и покинули тамъ на произволъ судьбы, будучи увѣрены, что хищные звѣри не укусятъ растерзанъ Его. „Но промышленіемъ Господа Бога нашего, замѣчаетъ хроникеръ, Святый Исса благополучно продолжалъ свой путь“.

Вслѣдъ за этимъ,—съ девятой главы и до конца,— идетъ краткое описаніе миссіонерской дѣятельности Спасителя уже среди богоизбраннаго народа Израильскаго, якобы горячо любившаго Иисуса и почитавшаго Его за Праведника и Царя своего, но Котораго Пилать самовластно казнилъ, усмотрѣвши въ Немъ законнаго претендента на занимаемый имъ престолъ, и похоронилъ казненнаго для народа Израильскаго невѣдомо гдѣ.

Частнѣе, по свидѣтельству девятой главы, Исса, уже въ двадцати девятилѣтнемъ возрастѣ, прибылъ въ Іудейскую землю, прибылъ съ благовѣстіемъ, что часъ искупленія насталь.

Однако, всеобщее вниманіе народа и стремленіе его къ Проповѣднику утратили,—по разсказу 10 главы,—управи-

телей городовъ, которые и донесли прокуратору на Него, какъ на опаснаго народнаго агитатора и бунтовщика. Последовало приказаніе схватить обвиняемаго и судить Его въ храмѣ. Но до времени Исса продолжалъ проповѣдывать народу.

Священники и старцы іудейскіе, пораженные Его рѣчами, недоумѣвая, вопрошали Его: „правда ли, что Онъ пытался поднять народъ противъ правительства страны, какъ о томъ донесено Пилату“?—„Можно ли гнѣваться на людей заблудшихъ, путь которыхъ и врата сокрыты во тьмѣ“?—отвѣчалъ на это Исса. „Какъ и здѣсь, въ этомъ храмѣ, Я только увѣщевалъ несчастныхъ оставить пути мрака, такъ какъ бездна открыта подъ ногами ихъ“.

Тогда старцы: „Кто Ты“?—спросили;—„и изъ какой страны пришелъ Ты къ намъ? Раньше мы ничего не слыхали о Тебѣ и даже не знаемъ Твоего имени“.

„Я—израильтянинъ“, отвѣчалъ Исса, „и въ день рожденія Своего видѣлъ стѣны іерусалимскія, слышалъ воздыханіе братьевъ Моихъ у иноплеменниковъ. Душа Моя возмущилась мучительно, когда Я увидѣлъ, что братья Мои забыли истиннаго Бога; тогда дитятей Я покинулъ родительскій домъ, чтобы проживать у другихъ народовъ. Услыхавъ же, что братья Мои терпятъ муки тягчайшія прежнихъ, Я возвратился въ страну Моихъ родителей, дабы напомнить братьямъ Моимъ вѣру отцовъ ихъ, заповѣдующую терпѣніе на землѣ ради стяжанія высочайшаго и совершеннѣйшаго блага на небѣ“.

Ученіе Иссы вполне удовлетворяло совопросниковъ Его и мы видимъ ихъ даже, въ 11 главѣ, ходатайствующими за Него предъ Пилатомъ. Но ходатайство ихъ принесло лишь обратные плоды, такъ какъ озлобленный Пилатъ, вмѣсто того, чтобы оставить проповѣдника въ покоѣ, приставилъ къ нему тайныхъ шпионовъ—неукоснительно слѣдить за всякимъ Его словомъ и поступкомъ. Исса же продолжалъ обходить города и веси, укрепляя Израиля въ духѣ терпѣнія, пред-

рекая ему скорое избавленіе и проповѣдуя противъ ложныхъ чудесъ, оракуловъ и гаданій.

„Господь Богъ нашъ, поучалъ Исса, принимай Себѣ равнаго, есть Единъ, Всевѣдущій, Всемогущій и Вездѣсущій. Источникъ всякой мудрости и свѣта“.

Затѣмъ, въ XII главѣ, сперва въ духѣ евангельскаго „воздадите Кесарево Кесареви“ излагается ученіе Исы объ отношеніи подданныхъ къ верховной власти, а потомъ слѣдуетъ возвышенное и проникновенное ученіе о высокомъ назначеніи и достоинствѣ женщины вообще, ученіе, въ которомъ, къ слову сказать, нельзя не усмотрѣть цѣлокупнаго отраженія феминистическихъ тенденцій нашихъ дней.

„Слушайте, что я вамъ скажу“, — началъ Исса, замѣтивъ, какъ одинъ изъ ппіоновъ оттолкнулъ женщину, пробиравшуюся къ нему:— „почитайте женщину, ибо она есть мать міра и вся истина божественнаго творчества основывается на ней. Женщина — это основа всего истинно-добраго и прекраснаго; она — зародышъ жизни и смерти... Благословляйте ее и почитайте, такъ какъ она — вапъ единственный другъ и опора на землѣ. Будьте снисходительны къ женщинамъ, своею любовью облагораживающей человѣка, смягчающей его жестоковѣйное сердце, обуздывающей дикаго звѣря и превращающей его въ кроткаго агнца... Все, сдѣланное вами для своей матери, жены, вдовы или иной женщины въ скорби, сдѣлано вами для Самого Бога“.

Теперь намъ осталось только обозрѣть двѣ главнѣйшихъ заключительныхъ главы, представляющихъ, такъ сказать, „начало конца“, начало трагической развязки, постигшей на землѣ святого Ису, но отнюдь не Его великое дѣло ученія, успѣшнаго, къ тому же, пустить въ сердцахъ человѣческихъ глубочайшіе корни...

По истеченіи трехлѣтняго общественнаго служенія Исы на землѣ, повѣствуетъ хроника въ XIII главѣ, Онъ былъ схваченъ по ложному доносу и брошенъ въ темницу, гдѣ

Пилать подвергнувъ Его утонченнѣйшимъ и жесточайшимъ пыткамъ, съ цѣлю вынудить у Него самообвиненіе, — но тщетно. „Самъ Богъ былъ съ Иссой и не допустилъ Его умереть“. Тогда, терзаемые угрызениями совѣсти за муки безвиннаго Праведника, первосвященники и старѣйшины іудейскіе ходатайствовали предъ Пилатомъ отпустить имъ Иссу въ виду праздника пасхи. Получивъ же отказъ, они настоятельно потребовали, чтобы Исса, въ такомъ случаѣ, преданъ былъ суду Синедріона, который уже по собственному усмотрѣнію или осудилъ бы Иссу, или отпустилъ предъ праздникомъ пасхи.

Собрался Синедріонъ, привели Иссу и посадили между двумя разбойниками, судившимися одновременно съ Иссой, по мысли хроникера, единственно для отвода глазъ. Пилать, обращаясь къ Иссѣ, воскликнулъ: „О, человѣкъ! Правда ли, будто ты возбуждаешь народъ, дабы самому сдѣлаться царемъ іудейскимъ“?

„Царемъ не дѣлаются по собственному произволу, отвѣтствовалъ Иисусъ; тебѣ же сказали неправду, сообщивши, будто Я возмущаю народъ. Я всегда говорилъ только о Небесномъ Царѣ и Ему только научалъ народъ поклоняться“. Вдругъ являются жесивидѣтели.

„Ты говорилъ народу, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — будто мірская власть ничто въ сравненіи съ властью Царя, Который вскорѣ избавитъ Израиля отъ языческаго ига“!

„Да будешь благословенъ ты, молвилъ Исса, потому что говоришь правду. — Да, Царь Небесный превыше и могущественнѣе всякаго закона земного и Царство Его превосходить всѣ царства міра сего. И близко уже время, когда, по Божественному опредѣленію, народъ израильскій очистится отъ грѣховъ своихъ, ибо грядетъ, сказано, Предтеча возвѣстить освобожденіе народа и воссоединить всѣхъ въ единую семью“.

Тогда правитель сказалъ судьямъ: „Слышите ли? Израилитининъ Исса сознается въ преступленіи, въ которомъ обвиняется. Судите же Его по своимъ законамъ и приговорите на смертную казнь“.

„Мы не можемъ судить Его,—возражали священники и старѣйшины іудейскіе:—самъ же ты слышалъ, что Онъ говорилъ только о Небесномъ Царѣ, не проповѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ ничего противозаконнаго“.

Но Пилатъ пребылъ непреклоннымъ и по знаку его предатель еще разъ спросилъ Иссу: „Не ты ли хотѣлъ прослать за Царя іудейскаго, когда говорилъ, что царствующій на небѣ послалъ Тебя приготовить народъ Его“? Благословивши предателя, Исса отвѣчалъ: „тебѣ не вѣнится сіе, ибо сказанное тобою не отъ тебя исходитъ“. И, обращаясь къ правителю, продолжалъ: „Зачѣмъ уничижаешь ты свое достоинство и зачѣмъ обучаешь подданныхъ своихъ жить во лжи, когда вѣдь и безъ того можешь осудить невиннаго“?

Укоръ Иссы привелъ Пилата въ страшную ярость, въ ослѣпленіи которой онъ приказалъ немедленно же осудить Иссу на смертную казнь, оправдавъ обоихъ разбойниковъ. Но судьи, посоветовавшись между собою, сказали такъ Пилату: „Мы не примемъ на головы свои тяжкаго грѣха осужденія невиннаго Праведника и оправданія завѣдомыхъ разбойниковъ, такъ какъ это противно нашимъ законамъ. Поступай самъ, какъ знаешь“.

Вскорѣ за осужденіемъ Иссы послѣдовало незаконное дѣло распятія невиннаго Страдальца, о чемъ повѣствуетъ уже XIV, заключительная, глава буддійской хроники.—Съ закатомъ солнца умеръ Исса, и смерть Его произвела переломъ въ душѣ убійцы: въ ужасѣ и смятеніи, мучимый угрызениями совѣсти, Пилатъ немедленно же, по просьбѣ родителей, распорядился снять тѣло казненнаго Иссы для погребенія. Потрясенный горемъ, народъ во множествѣ стекался ко

гробу невинной жертвы, оглашая воздухъ воплями и рыданіями. Но осторожный Пилать, опасаясь народнаго возстанія, приказалъ вынуть тайно изъ гроба тѣло Иссы и похоронить его въ другомъ мѣстѣ.

И вотъ, на слѣдующій день, когда гробъ Иссы найденъ былъ отверстымъ и пустымъ, пошла народная молва, что гробъ его опустѣлъ и что „высочайшій Судія послалъ Своихъ ангеловъ, чтобы принести на небо смертные останки Святого, въ Которомъ часть божественнаго Духа обитала на землѣ“. И хотя Пилать подъ угрозою рабства и казни запретилъ народу произносить самое имя „Исса“; тѣмъ не менѣе, народъ продолжалъ оплакивать и громко славословить погибшаго Учителя, почему много народа было обращено тогда въ рабство, подвергнуто пыткамъ, предано казни. Послѣ того, послѣдователи Иссы съ проповѣдію о Немъ разсѣялись по всей землѣ и вотъ, „язычники,—заключаетъ хроника,—вмѣстѣ съ царями своими и военачальниками, слушая проповѣдниковъ, отказались отъ своей недѣльной вѣры и оставили своихъ жрецовъ и идоловъ, чтобы славить Премудраго Творца міра, Царя царей, сердце Котораго исполнено безконечнаго милосердія“.

Итакъ, вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе этого сенсационнаго изданія. Это очевидно цѣлое открытіе и открытіе, притомъ, необычайнаго историческаго факта. Такимъ образомъ, лишь подозрѣваемая дотолѣ причинная связь христіанства съ буддизмомъ находитъ себѣ здѣсь документальное подтвержденіе, и потому-то, падкая на все необычайное, современная читающая публика и набросилась съ нервной жадностью на эту сенсационную новинку, какъ подтверждающую и удовлетворяющую ея жажду искать разъясненія всѣхъ вопросовъ религіозной жизни въ нѣдрахъ таинственнаго Востока. Однако, уже только внимательный просмотръ самой этой новинки рождаетъ лишь вопросъ и недоумѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, невольно поражаешься, читая эту хронику, съ одной стороны, удивительнымъ сходствомъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ мѣстъ ея съ библейскими и евангельскими сказаніями о томъ же, а съ другой—не менѣе рѣзкими противорѣчіями, которыми столь изобилуетъ буддійскій рассказъ о событіяхъ ветхо и ново-завѣтныхъ. И вотъ, въ видахъ посильнаго примиренія отмѣченной странности, Нотовичъ пишетъ свое безусловно тенденціозное резюме, въ которомъ онъ вмѣсто свѣта водворяетъ сплошной мракъ, вмѣсто врученія читателю спасительной аріадниной нити, самъ, такъ сказать, „за деревьями не видитъ лѣса“, теряетъ всякій выходъ и окончательно запутывается въ лабиринтъ всевозможныхъ раціоналистическихъ проблемъ и quasi-научныхъ аксіомъ. Читая это своеобразное „резюме“, представляющее лишь нанизываніе громкихъ и трескучихъ фразъ, какой-то невообразимый богословскій винегретъ подъ соусомъ дешеваго рыночнаго вольнодумства, невольно убѣждаешься если и не въ полной невинности, такъ по крайней мѣрѣ въ самой отдаленной причастности г. Нотовича какъ къ богословію вообще, такъ и къ нѣкоторымъ богословскимъ вопросамъ кардинальной важности, въ частности, къ тѣмъ вопросамъ, которые породили цѣлую огромную литературу, которые глубоко волнуютъ человѣчество въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, но которые г. Нотовичъ рѣшаетъ удивительно просто, легко и самоувѣренно, однимъ небрежнымъ росчеркомъ пера. Для него, видимо, не существуетъ никакихъ несомнѣнныхъ фактовъ, никакихъ строго и научно обоснованныхъ, проверенныхъ и доказанныхъ историческихъ данныхъ... Гдѣ можемъ мнимо-анализа, а гдѣ и просто топоромъ вандала, Нотовичъ безумно пылается разрушить то величественное зданіе нерушимаго христіанства, которое человѣчество, начиная со Христа, въ теченіе долгихъ вѣковъ созидало съ такою любовію, съ такимъ героизмомъ! По смѣлости этой своей

попытка г. Нотовичъ напоминаетъ знаменитаго новатора Велльгаузена, съ тѣмъ только существеннымъ различіемъ, что тогда какъ послѣдній во всеоружіи обширной своей эрудиціи и геніальнаго ума дѣйствовалъ только въ строго-опредѣленныхъ границахъ Ветхаго Завѣта,—г. Нотовичъ, при весьма сомнительныхъ размѣрахъ богословской своей компетенціи, вздумалъ поставить на ноги уже не Ветхій только Завѣтъ, какъ Велльгаузенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Новый, полагая простодушно, что до тѣхъ поръ онъ стоялъ на головѣ.

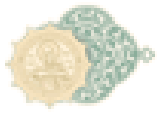
По увѣренію г. Нотовича, найденный имъ манускриптъ въполнѣ-де доказываетъ, что Иисусъ Христосъ былъ въ Индіи, изучалъ тамъ языки санскритскій и палійскій, читалъ Веды и буддійскій канонъ и затѣмъ уже, проникшись воззрѣніями буддизма, возвратился въ Палестину. Но время пребыванія Исы въ Индіи некануло безслѣдно незамѣченнымъ для чело-вѣчества. Слышанное отъ Него было записано и записано при томъ, по утверженію г. Нотовича, на языкѣ Пали, священномъ языкѣ южнаго буддизма. Явилась, такимъ образомъ, рукопись, около 200 г. по Р. Хр. перенесенная изъ Индіи въ Непаль и уже отсюда въ Тибетъ, гдѣ и сохранялась тща-тельно въ Лхасѣ, столицѣ тибетскаго буддизма. Но такъ какъ языкъ пали былъ непонятенъ для туземцевъ, то рукопись съ теченіемъ времени переведена была на мѣстный тибетскій языкъ, и тибетскіе переводы ея хранятся, по заявленію г. Нотовича, въ различныхъ буддійскихъ монастыряхъ, между прочимъ, въ монастырѣ Гимисъ, гдѣ ему будто-бы и посчастливилось найти одинъ экземпляръ ея.

Безспорно, доводы г. Нотовича были бы весьма немало-важны и даже имѣли бы огромную научную цѣнность, если бы... не назойливое подозрѣніе относительно самой уже подлинности новооткрытаго имъ сенсационнаго документа. Дѣйстви-тельно, сильнѣйшія подозрѣнія касательно подлинности руко-писи возбуждаетъ уже то обиліе странностей, несообразностей

и явно тенденціозныхъ искаженій, какое обнаруживаетъ въ книгѣ г. Нотовича самое хотя бы поверхностное критическое къ ней отношеніе. Такъ, напримѣръ. Какъ тѣ лица, которыми Исса извѣстенъ былъ какъ простой любознательный іудей, изучавшій индійскую мудрость, могли сразу признать, что это была именно та самая личность, которая предана была смерти при Понтіѣ Пилатѣ? Даже самое имя Его было не одно и то же. Въ Индіи онъ носилъ будто-бы имя Иссы, весьма похожее на арабское имя Исал Масих, Іисусъ Мессія, между тѣмъ какъ, по какой-то странности, имя Понтія Пилата осталось неизмѣннымъ при переводѣ съ еврейскаго языка на палійскій и съ палійскаго на тибетскій языкъ.

Неудивительно послѣ этого, если изъ числа серьезныхъ читателей,—по отзыву одного французскаго рецензента книги г. Нотовича въ старокатолическомъ журналѣ „Revue internationale de Théologie“ (1894, стр. 571), издающемся въ Швейцаріи,—одни ограничиваются ссылкой на совершенную бездоказательность даннаго труда, а другіе, видя въ немъ одни лишь вошіюція противорѣчія, не задумываются заклеить его даже словомъ „фарсъ“.

И это не будетъ крайностью, принявъ во вниманіе, что г. Нотовичъ задался нелѣпою цѣлью—доказать не только достовѣрность своего quasi-евангелія, но и его будто-бы полное превосходство по своей исторической цѣнности надъ нашимъ библейскимъ четвероевангеліемъ. Къ вышесказанному нужно еще прибавить,—что,—по отзыву Лозанскаго профессора Людовика Эмери, помѣстившаго въ Лозанской „Газетѣ“ обширную статью по поводу разбираемой книги,—самая „аргументація автора послѣдней замѣчательно наивна и основывается, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ. Во-первыхъ, на утвержденіи, будто наши рукописныя евангелія появились лишь долго спустя послѣ смерти Іисуса, тогда какъ буддійская хроника явилась непосредственно послѣ Страстей Христовыхъ.

Будетъ бесполезнымъ доказывать здѣсь, прибавляетъ профессоръ, что г. Нотовичъ утверждаетъ факты безъ приведенія хотя бы ничтожныхъ доказательствъ въ собственное подтвержденіе.

Во-вторыхъ,—на положеніи, что Евангелисты ничего не знали о жизни Иисуса въ періодъ между 12 и 30 годами. Все, что сообщаетъ Лука по этому вопросу это—что „Онъ жилъ въ пустынѣ до дня, когда долженъ былъ явиться предъ народомъ Израильскимъ“.

Въ приведенныхъ положеніяхъ—первооснова, такъ сказать, краеугольный камень предпріятія г. Нотовича: съ ними оно стоитъ и падаетъ.

И Нотовичъ, дѣйствительно, уже первое изъ двухъ положеній,—именно, что буддійская хроника появилась непосредственно послѣ смерти Иисуса, стало быть, раньше евангелій,—хотя и голословно, но готовъ защищать съ развязностью, достойной лучшаго примѣненія. „Я предоставляю ученымъ, философамъ и богословамъ трудъ отыскать причины противорѣчій, которыя можно найти между „*La vie inconnue de Jésus Christ*“, которую я представляю, и евангельскими рассказами. Но я смѣю надѣяться въ то же время, что никто не затруднится согласиться со мною въ томъ, что рассказъ, который я опубликовываю и который былъ написанъ лишь три или четыре года спустя послѣ смерти Иисуса, по свидѣтельствамъ очевидцевъ и современниковъ, имѣетъ гораздо болѣе данныхъ соотвѣтствовать истинѣ, нежели повѣствованія евангелистовъ, которыя были составлены въ различные эпохи и въ періодъ гораздо болѣе поздній, чѣмъ самыя происшествія и которыя потому въ гораздо большей степени могли подвергнуться извращенію въ фактахъ и искаженію въ смыслѣ“.

Высказанное здѣсь г. Нотовичемъ общее соображеніе развивается имъ далѣе частитѣ, въ формѣ такого разсужденія.

Упомянувъ о буддійскомъ преданіи, утверждающемъ, что Вѣчный Духъ отдѣлился отъ Вѣчнаго Существа и воплотился въ новорожденномъ одного благочестиваго и благороднаго семейства, Нотовичъ продолжаетъ: „Безъ сомнѣнія, что буддисты, точно такъ же, какъ и евангелисты, желаютъ этимъ указать, что Младенецъ принадлежалъ къ царскому роду Давида. Разница только въ томъ, что евангельскій текстъ, по которому Младенецъ родился отъ Духа Святаго, можетъ быть понимаемъ двоякимъ образомъ, тогда какъ по буддійскому ученію, болѣе согласному съ законами природы, Духъ только воплотился въ уже рожденнаго Младенца, котораго Богъ благословилъ и избралъ, чтобы выполнить Свою волю на землѣ. Въ этомъ мѣстѣ есть пробѣлъ въ повѣствованіи евангелистовъ, которые по незнанію ли, или по небрежности, ничего не говорятъ объ Его дѣтствѣ, юности и воспитаніи. Они начинаютъ исторію Іисуса съ Его первой проповѣди, т. е., съ того времени, когда Онъ уже въ 30-лѣтнемъ возрастѣ возвратился въ свою страну, а все, что евангелисты говорятъ о дѣтствѣ Іисуса, совершенно неопредѣленно“.

„Между тѣмъ, Отрокъ возрасталъ и укрѣплялся, исполненный мудрости, и милость Божія была на Немъ“, говоритъ одинъ изъ священныхъ писателей. „Отрокъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ и жилъ въ пустынѣ до дня, когда Ему надлежало явиться предъ народомъ Израильскимъ“, замѣчаетъ Лука. Вотъ и все, что объ этомъ періодѣ жизни Іисуса говорятъ евангелисты. Пробѣлы несомнѣнны, но пробѣлы эти въ повѣствованіяхъ евангелистовъ объяснить вовсе не трудно, резонируетъ г. Нотовичъ, если принять въ соображеніе, что евангельскія записи сдѣланы лишь долго спустя послѣ смерти Іисуса, почему въ евангеліяхъ и записаны, изъ дошедшихъ до евангелистовъ, рассказы только о главнѣйшихъ событіяхъ жизни Іисуса. Наоборотъ, буддисты, которые составляли свои мемуары почти непосредственно послѣ Страстей Христовыхъ

и которые были въ состояніи собрать наиболѣе точныя свѣдѣнія по всѣмъ интересовавшимъ ихъ вопросамъ, даютъ намъ полное и весьма подробное описаніе жизни Іисуса“. Сказаннымъ и исчерпывается вся аргументація г. Нотовича въ пользу перваго своего положенія... Справедливость замѣчанія проф. Эмера, что Нотовичъ „утверждаетъ факты безъ приведенія хотя бы малѣйшихъ доказательствъ въ свое подтвержденіе“, выступаетъ, такимъ образомъ, со всею очевидностью.

Что же касается втораго положенія г. Нотовича, — будто евангелисты ничего не знали о жизни Іисуса за періодъ отъ 12 до 30 лѣтъ, — то нужно согласиться, что въ существѣ оно справедливо: евангелисты, дѣйствительно, обходятъ молчаніемъ періодъ жизни Іисуса Христа между 12 и 30 годами. Они даже не говорятъ объ этомъ и того, что г. Нотовичъ приписываетъ евангелисту Лукѣ: „Онъ жилъ въ пустынѣ до дня, когда Ему надлежало явиться предъ народомъ израильскимъ“. Легковѣсность „научнаго багажа“ г. Нотовича сказалась здѣсь особенно наглядно, такъ какъ приведенныя слова ев. Луки относятся вовсе не къ Іисусу Христу, какъ онъ ошибочно полагаетъ, а къ Іоанну Крестителю времени его пребыванія въ пустынѣ (Ік. 1, 80).

Какъ бы то ни было, но фактъ умолчанія евангелистовъ о юношескихъ и зрѣлыхъ лѣтахъ Іисуса Христа на лицо. Значить, Богу было угодно содѣлать изъ сего тайну. Но жажда „познать тайну Бога„ (Кол. 2, 2) — слабость человѣческая. Между тѣмъ, „неизвѣстная жизнь Іисуса Христа“ — сюжетъ слишкомъ соблазнительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ благодарный для того, чтобы такой предпримчивый любитель сенсацій, какъ г. Нотовичъ, не искусилъ его всячески использовать, хотя бы ему для этого пришлось пустить въ ходъ всю изобрѣтательность своей пылкой фантазіи, столь, вообще, свойственной семитическимъ выходцамъ Востока. И мы видимъ, какъ, слѣдуя за необузданно-прихотливыми поле-

тами собственнаго воображенія, г. Нотовичъ направляетъ тринадцатилѣтняго Отрока Иисуса сперва въ Индію, а потомъ въ близъ лежащія страны, при чемъ послѣдовательно дѣлаетъ. Его ученикомъ браминовъ, буддистовъ и маговъ персидскихъ. При этомъ, путешествіе Иисуса въ Индію представляется г. Нотовичу тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что, повидимому, оно было только неумолимымъ слѣдствіемъ такъ, а не иначе, сложившихся тогдашнихъ обстоятельствъ и Его личной и общественной жизни.

Извѣстно, что съ глубокой древности и до нашихъ дней у восточныхъ евреевъ существуетъ законъ, признающій тринадцатилѣтній возрастъ нормою для вступленія въ бракъ. Къ этому времени и на Иисуса, по свидѣтельству хроники, обратили вниманіе многіе знатнѣйшіе люди страны, пожелавшіе видѣть въ Немъ своего зятя. Возможно, догадывается г. Нотовичъ, что къ этому ихъ располагало природное величіе Иисуса такъ же, какъ и Его дивныя способности, высокій умъ и познанія не по возрасту... Въ такихъ обстоятельствахъ меланхолическій Юноша Иисусъ, витавшій въ области неземныхъ мечтаній и томимый жаждой знанія, покидаетъ тайно родительскій домъ, уходитъ въ Іерусалимъ, а оттуда уже съ караваномъ купцовъ переправляется въ Индію, что было тѣмъ легче, что Іерусалимъ временъ Христа былъ бойкимъ центромъ чуть не міровой торговли. Торговля сношенія Индіи съ Египтомъ, какъ послѣ съ Европой, происходили именно чрезъ Іерусалимъ, куда уже въ эпоху царя Соломона приходили индусскіе караваны съ драгоценными камнями и матеріалами для постройки храма. Изъ Европы въ Іерусалимъ купцы приплывали моремъ, заходя въ портъ тамъ, гдѣ нынѣ расположенъ городъ Яффа. Возможно, что Иисусъ предпочелъ отправиться именно въ Индію отчасти и по тѣмъ соображеніямъ, что тогдашній Египетъ входилъ въ составъ римской имперіи; главнымъ

же образомъ потому, что, благодаря оживленной торговлѣ Палестины съ Индіей, по Іудеѣ циркулировали многочисленныя слухи о необычайныхъ знаніяхъ индусовъ и о пышномъ, расцвѣтѣ наукъ и искусствъ въ этой странѣ чудесъ, куда еще и нынѣ устремляются часто всѣ помыслы цивилизованныхъ народовъ... Такъ восполняется смущающій евангельскій пробѣлъ, и разверзается завѣса надъ восемнадцатилѣтнимъ таинственнымъ періодомъ жизни Іисуса Христа! Попытка, безпорно, весьма смѣлая, но какъ стремящаяся подъ самоизмышленныя событія подложить фантастическія основанія,—крайне неудачная, результатомъ которой хотя и было внѣшне шумное и сенсаціонное „новое слово“, по котораго „вѣкъ“, тѣмъ не менѣе, „не долѣе дня“.

Въ такомъ именно духѣ, въ духѣ фантазировацій, противныхъ исторической правдѣ, написано все „резюме“ г. Нотовича.

Для нагляднѣйшей иллюстраціи достаточно будетъ привести тотъ уже, хотя бы, курьезный самъ по себѣ, способъ, какимъ г. Нотовичъ пытается провести бѣгущихъ евреевъ черезъ Черное море.

„Присматриваясь къ географическому строенію области, слѣдуетъ думать, пишетъ онъ, что во все время своего пути Моисей шелъ вдоль горнаго хребта и проникъ въ Аравію черезъ перешеекъ, пересѣкаемый нынѣ Суэцкимъ каналомъ. Въ противоположность Моисею, фараонъ устремилъ свои войска направо, къ Красному морю. Сгорая нетерпѣніемъ догнать евреевъ, успѣвшихъ уже достигнуть противоположнаго берега, фараонъ рѣшилъ воспользоваться морскимъ отливомъ въ заливѣ, образованномъ берегомъ и перешейкомъ, и провести войска въ бродъ. Но фараонъ плохо рассчиталъ ширину морского рукава, которая, вопреки его предположенію, оказалась настолькоъ значительной, что приливъ начался уже въ моментъ, когда египетская армія

была всего лишь на срединѣ... и никто изъ составлявшихъ ее не избѣгнулъ смерти.

Но вотъ, заключаетъ г. Нотовичъ, событіе, столь простое само по себѣ, у евреевъ преобразовалось съ вѣками въ религиозную легенду: они увидѣли въ немъ участіе божественнаго Промысла, покаравшаго ихъ гонителей. Такъ сложилось „сказаніе“, не безъ вліянія, впрочемъ, самого Моисея, поддерживавшаго такое воззрѣніе“.

Подобныя игривыя измышленія досужей фантазіи г. Нотовича, разсѣяныя, какъ уже сказано, въ его книгѣ повсюду, кромѣ иронической улыбки едва-ли заслуживаютъ другого къ себѣ отношенія. Но не всѣ такъ холодно—спокойно способны отнестись къ этой, во всякомъ случаѣ, до дераости смѣлой выходкѣ г. Нотовича. Многіе, какъ натуры болѣе экспансивныя, усмотрѣли въ ней, по меньшей мѣрѣ, кощунство и профанацію христіанства и сочли себя глубоко оскорбленными. Послѣ восторговъ въ первое время разныхъ невѣрующихъ и атеистовъ, на страницахъ европейской печати противъ Нотовича появились реплики, отъ которыхъ ему, можно думать, не поздоровилось. Дѣйствительно, прошелъ какой-нибудь годъ-два, и положеніе совершенно измѣнилось. Притихли шумные восторги атеистической оргіи; молчитъ и самъ г. Нотовичъ, „оставившій за собою право доказать“ историческую подлинность этихъ мнимобуддійскихъ хроникъ.

По поводу этого же пресловутаго „открытія“, прот. Т. Буткевичъ,—къ слову сказать, ярый противникъ г. Нотовича,—въ одномъ мѣстѣ категорически заявляетъ, что теперь „наука получила полную возможность произнести свой безпристрастный приговоръ и безапелляціонно осудить это гнусное издѣвательство надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ, эту беззастѣнливую эксплуатацію читателей, съ ревностью ищущихъ истины и опоры для своей мятущейся

совѣсти. „Сенсаціонная мистификація“, „глупѣйшій вымыселъ“, „грубая и омерзительная ложь“, „новое шарлатанство“, „смѣсь и бессмысліе“, „чепуха“, „подлогъ“, „жидовская продѣлка“,—вотъ тѣ эпитеты, то послѣднее слово, какимъ обзывается въ европейской печати мнимое открытіе „русскаго Одиссея“ (какъ называютъ теперь Нотовича англійскіе и нѣмецкіе критики) ¹⁾.

Такой, столь неблагопріятный для Нотовича, поворотъ общественнаго мнѣнія начался собственно съ опубликованіемъ результатовъ изслѣдованій и розысковъ, добытыхъ заслуживающими полного довѣрія западно-европейскими учеными и въ особенности такимъ колоссомъ оріентализма, какимъ въ глазахъ всего цивилизованнаго міра является Максъ Мюллеръ. Послѣдній собралъ самыя точныя свѣдѣнія о томъ самомъ буддійскомъ монастырѣ, въ которомъ будто-бы хранятся таинственныя рукописи, открытыя Нотовичемъ, и въ которомъ будто-бы Нотовичъ проживалъ долгое время съ своею переломленною ногою и пользовался медицинскою помощью „магатмъ“.

И что же оказалось?—Оказалось, 1) что никакого русскаго путешественника въ этомъ монастырѣ не было; 2) что въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ (настолько хватаетъ память буддійскихъ монаховъ-старожиловъ) тамъ никого не было съ переломленною ногою и 3) что тамъ нѣтъ и никогда не было никакого манускрипта, относящагося къ жизни Іисуса Христа, и никто не знаетъ, чтобы былъ таковой гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ во всемъ Тибетѣ и во всей Индіи. Такихъ результатовъ проверки Максъ Мюллеръ ожидалъ даже напередъ и имѣлъ твердыя и несомнѣнныя основанія для такого предположенія. По его свидѣтельству, у англичанъ имѣются полные и прекрасные каталоги всѣхъ

¹⁾ Прот. Т. Буткевичъ. „Какъ восполняются мнимыя евангельскіе пробѣлы“. „Вѣра и Разумъ“ 1895 г., стр. 610.

сколько-нибудь важныхъ буддійскихъ писаній, и при томъ какъ книгъ, такъ и рукописей,—и онъ не могъ допустить мысли, чтобы опубликованные г. Нотовичемъ манускрипты не были внесены въ эти каталоги, если бы они дѣйствительно хранились въ какомъ-нибудь буддійскомъ монастырѣ. Максъ Мюллеръ, поэтому, имѣлъ полное основаніе изданіе Нотовича назвать „паловдивою шуткою“, или обманомъ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, добытыя Максомъ Мюллеромъ, подтверждаются и другими учеными, каковы. напр., проф. Нельдекке, Гольцманъ, Пфунгстъ и др.

Даже и текущая пресса, на страницахъ повременной печати, приводитъ много краснорѣчивыхъ фактовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ сенсационными заявленіями г. Нотовича. Не такъ давно въ „С. Петерб. Вѣдомостяхъ“, напр., помѣщена была обширная статья, посвященная разработкѣ вопроса о степени доступности путей въ Тибетъ, въ эту „запущенную страну“ вообще, въ частности—въ ея таинственную столицу,—резиденцію Далай-Ламы, Лхассу. Въ концѣ концовъ, она приходитъ къ выводамъ, для европейца самымъ безотраднымъ. Тибетъ для европейца до самыхъ послѣднихъ дней остается недоступнымъ, и еще неизвѣстно; къ чему приведутъ нынѣшнія экспедиціи въ Тибетъ русскихъ и англичанъ. Отдѣленный отъ европейскіхъ владѣній труднопроходимыми пустынями и неприступными горными цѣпами, Тибетъ всегда жилъ замкнутою, таинственной жизнью, закрытой для взоровъ любознательныхъ чужестранцевъ. Въ настоящее время уже не однѣ китайскія власти препятствуютъ проникать въ священную столицу Далай-Ламы. Само тибетское населеніе всѣми силами противится этому. Однимъ словомъ, мы еще не знаемъ, какимъ путемъ европейцу проникнуть въ сердце Тибета, интересъ къ которому все увеличивается. Попытки европейцевъ и русскихъ въ этомъ направленіи не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Изъ русскихъ путешественниковъ, стремившихся къ этой цѣли, газета называетъ

многихъ, какъ-то: Пржевальскаго, Потанина, Пѣвцова, Роборовскаго, Ковлова, Казнакова... не упоминаеть она только самаго интереснаго для насъ, храбраго г. Нотовича, бывшаго якобы въ стѣнахъ самой таинственной Лхассы.

Всѣ вышеприведенныя данныя неотразимо уличаютъ Нотовича въ наглую и претенціозную лжи. „Но кто можетъ лгать предъ лицомъ всей Европы, — восклицаетъ о. Буткевичъ, — тотъ способенъ поддѣлывать и всякіе документы“!

Въ заключеніе нельзя еще не спросить: что же собственно побудило г. Нотовича издать въ свѣтъ заведомо ложный „манускриптъ“?

Прот. Буткевичъ, такъ сказать, „лейтъ-мотивомъ“ этой неслыханной по дерзости мистификаціи довѣрчивыхъ читателей считаетъ исключительно гешефтмахерство, торгашескую спекуляцію. Но намъ кажется, что мнѣніе почтеннаго о. Буткевича страдаетъ явной натяжкой и односторонностью. Правда, корыстнаго элемента въ авантюрѣ г. Нотовича отрицать категорически нельзя, ибо не даромъ же: „все куплю — сказала злато“; — но главными возбудителями энергіи г. Нотовича въ его феерическомъ предпріятіи все же нужно считать не грубо-торгашескіе, а болѣе идейные интересы, на примѣръ, стремленіе обосновать фактически идею происхожденія христіанства изъ буддизма, о чемъ говорено было уже въ началѣ этой статьи; тщеславное желаніе прославиться или просто, наконецъ, дать хорошій урокъ на будущее время всѣмъ явнымъ и тайнымъ противникамъ христіанской доктрины, столь надкимъ на все, что такъ или иначе ведетъ къ подрыву и уничтоженію ненавистнаго для нихъ христіанства. Въ этомъ именно, т. е., послѣднемъ, смыслѣ мотивируетъ поступокъ г. Нотовича и проф. И. Эмери, въ своей рецензіи на „La vie inconnue d' Issa“ въ упомянутомъ старокатолическомъ журналѣ „Revue internationale de Théologie“ рѣшающій загадку путемъ такого соображенія. „Г. Нотовичъ, какъ бывалый путешественникъ, на основаніи

личнаго опыта могъ убѣдиться, что глупость человѣческая— неиссякаемый родникъ... Своею напумѣвшею книгой онъ какъ бы такъ говорить: „Существуетъ во Франціи, а равно и въ другихъ государствахъ, огромное множество людей, подъ предлогомъ религіозно-научной критики жадно хватающихся за все, что такъ или иначе ведетъ къ подрыву значенія и дѣятельности христіанства, вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиво выставляя на видъ превосходство буддизма. И вотъ я задумалъ продѣлать надъ ними хитрую штуку. Именно, я задался дѣлюю выдумать новую жизнь Іисуса, по которой-бы Онъ послѣдовательно являлся то ученикомъ браминовъ, то буддійскихъ ламъ, то, наконецъ, маговъ персидскихъ. Хотя противорѣчія и несообразности въ ней колютъ, такъ сказать, глаза, тѣмъ не менѣе всѣ эти люди вѣрятъ легкомысленно моему открытію съ поразительнымъ энтузіазмомъ и торопятся ниспровергнуть торжественно древнія сказанія Маттея, Марка, Луки и Іоанна“. Вотъ что продѣлалъ Нотовичъ! А его „La vie inconnue de Jésus Christ“ выходитъ, между тѣмъ, вотъ уже седьмымъ изданіемъ въ срокъ меньшій четырехмѣсячнаго... То-то, должно быть, Нотовичъ ухмыляется въ кулакъ“!..

Послѣ всего сказаннаго, что книга г. Нотовича— сплошной вымыселъ, подлогъ и мистификація,—не остается и тѣни сомнѣнья. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не воздать г. Нотовичу должнаго: нельзя не признать за нимъ таланта чрезвычайно искуснаго и тонкаго фальсификатора, успѣвшаго,— прежде чѣмъ быть выведену на свѣжую воду,—провести и ловко одурачить не только многочисленныхъ, умныхъ и европейски-образованныхъ, любителей сенсационныхъ новинокъ, но и многихъ высокоученыхъ и осторожныхъ представителей и адептовъ чистой науки.

И. Стеллецкій.